

Зыбка

Мой отчий дом сгорел уж много лет тому назад. Пепелище густо затянуло малинником, крапивой. На месте сгоревшей черемухи вымахал новый развесистый куст. Шагах в двадцати за кустом чудом уцелел амбар. Этот пятистенный амбар стоял на шести сваях. Две крайние из них подгорели, и амбар завалился на землю. Перья тесин на изломе выгнуло, часть обрушило прямо внутрь амбара, и издали он напоминал старую, немощную сидящую лошадь. Две его двери выдавило из косяков, сорвало с петель.

Внутри амбара пахло плесенью, старой одеждой, мышами. В полумраке тускло мерцали две стеклянные четверти зеленого стекла. За ними стояла большая кадка из-под муки. В кадке, как в вазе, стояли метлы, пара стоговых вил, грабли, деревянная лопата. Дальше на полке монолитно чернел утюг, какие-то банки, крынки. На полу валялись хомут, упряжь, керосиновый фонарь без стекла, ящик с ржавыми гвоздями, тряпье всякое, объединенные мышами валенки.

Приятель мой, несчастное дитя урбанизации, выросший в городском дворе и знавший о деревенском житье-бытье столько же, сколько и я в свое время о городе, изумленно вертел в руках предмет...

– То ли коробка, то ли корытце какое?

Корытце было невелико, три четверти на четыре. Два его бортика были слажены на конус, два прямых. В углах было по дырке. В одной была прорета лыковая веревочка толщиной в мизинец. На одном бортике сохранилась прибитая ржавыми гвоздиками обремканная, когда-то цветастая тряпочка. Это была зыбка, колыбель моего детства. В ней выросли три моих сестры, четыре брата и я.

Донце зыбки погрызли мыши. Два косячка были до блеска засалены детскими коленками. Но она была еще крепка, темнея кедровыми прожилками. Зыбка когда-то одним концом крепилась к очапу (это примерно двухсаженная березовая жердь), другим концом очап упирался в щель между потолком и матицей. К донцу зыбки крепилась веревочка с петлей для ноги няньки.

Конечно же я не помню себя в зыбке, как и все. А вот младшего брата помню! Помню, как он иногда, багровея личиком и пупком, суча ножонками лихоматочно, начинал реветь. Мама, осоловевшая за прялкой, тютюшкая, торопливо педалируя ногой, начинала раскачивать зыбку. Очап, ритмично постукивая о матицу, жалобно скрипел, и скажу вам, скрип этот под заунывное мамино что-то вроде «...придет серенький волчок, схватит Гошу за бочок...» был даже приятен. Брат замолкал, причмокивая губами соску, а очап поскрипывал все тише и тише, уступая партию гудевшей на окне мухе.

Брат давно уже постарел. Чаще всего он теперь сидит на крылечке, угрюмо курит, причмокивая губами газетную соску, набитую махрой, и матерится вслед какому-нибудь прохожему. Из зыбки мы выползали прямо в большой мир собирать житейские шишки, предназначенные судьбой.

Мы вышли из полумрака амбара, шурясь на свет.

– Так ты что, прямо вот в этой зыбке и вырос?!

– Прямо вот в этой зыбке.

Он закурил:

– Это надо же, средневековье какое-то! – замолчал, надолго ушел в себя. Свежий майский ветер с речных разливов ласкал белопенные кисти воскресшей черемухи, а кругом было все вновь молодо и зелено.

– Ты её не хочешь взять?

– Нет! Слишком она тяжела. До краев переполнена прошлым.

Он провел по зыбке ладонью, прихлопнул слегка и бережно повесил на ветку черемухи, а ветер тут же принялся наполнять её белыми душистыми лепестками. А пусть будет так!

Я прошел долгую трудную дорогу и по пути собрал все шишки, предназначенные мне судьбой. И падал, и поднимался, и тонул, и умирал, но вот еще жив. На восьмом десятке лет обзавелся каким-то рахитичным брюшком, которое свидетельствует о моем неправильном образе жизни. А что до зыбки, она пережила всех, давно нет уже няньки, нет и квартирантов её, да переживет она и меня. Но это так себе, философское отступление. А ведь все начиналось с неё, с этой вот зыбки!

Ожидание

Уйдет бабье лето в цветастом голубом платке с паутинным кружевом, и явится кроткое, тихое, печальное предзимье. Озеро свинцово-серое мертво, уже без гагар и чаек. Еще зеленеют пучками камыши кое-где у берега, а дальше серебро осоки до дальних рыжих перелесков. А над всем этим высокое небо застиранной простынью с линиями разводами бледно-голубого.

Лошади понуро стоят в лугах, чего-то ждут, прислушиваясь и прядая ушами. А ветер легкими порывами играет, шевелится в их гривах. Рыбы из озерной пучины приплыли и уткнулись в берег. Стоят, едва шевеля плавниками, слушают шорох ветра в серебре осоки и как будто тоже в ожидании. Рябина, обнявшая кровавыми гроздьями черный штакетник, еще горька, но первый же заморозок присыплет ее, словно сахарной пудрой. И на губах она, обжигаяще холодная, оставит сладкое послевкусие знойного ушедшего лета.

В сумерках придет с севера холодный сырой ветер и будет скрипеть ставнем, постукивать калиткой, и все кажется, будто кто-то идет. Проснешься среди ночи, подойдешь к сумеречному окну и все вглядываешься, смотришь на темные силуэты деревьев, раскачивающихся под напорами немого ветра, и ждешь чего-то тоже. Ждешь...!

2022 г.

Где-то там, на полях...

На Еремина, на поля, на леса навалился ненастный октябрь. Над зерносушилкой по серому небу треплет черными ряжками галдящие грачиные стаи. С холодными струями дождя медленно плывут вниз по оконному стеклу рябиновые кровавые листья.

Анна Адамовна притулилась к теплому боку печки. Прядет, тянет ниточку, шуршит веретешком. Кот на перине раскинулся вальяжно, спит, вывалив язык. На подоконнике хрипит, потрескивает старенький радио-

приемник. Через пространство, через космические помехи голос диктора вещает: «Главы государств, заинтересованные в решении ближневосточной проблемы, встречаются на полях ассамблеи ООН».

Старушка хлопает себя по колену, поправляет на носу толстенные очки, вопрошает ко мне:

– Да это хоть что тако! Добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, а оне на полях собираютца. Дак что уж, другова места совсем нет? У нас тут ране-то студентов на уборку сгоняли, дак и то, которых в клубе помещали, а которых в абочник. Коровник там ране-то был, дак перегородили, нары сделали, да стол поставили, там и жили. Не на улице жо! А тут люди соберутца, катары может долго и не виделись, поговорить, да может и выпить придетца. Дак не в поле жо. Не на ветру, да не под дождем!?

– Вот-вот, Анна Адамовна, там им самое место, в коровнике.

Из стайки, напротив окна, выступила павой толстая пегая корова. Подошла к окну, жует, смотрит бездумно на меня, на Анну Адамовну, на кота и жует, жует. На коньке амбара сутулятся рядом мокрые вороны, и по черным хвостам их, как по желобу, стекают крупные капли дождя и бухают в переполненную бочку.

Еремино, 2017 г.

Отчий дом

Иногда вижу во снах отчий дом. И брожу где-то там, закоулками памяти. Прислушиваюсь, приглядываюсь и трогаю, узнаю, вплоть до запаха, до осязания. Дом детства – прохладный в летние, знойные дни и теплый в зимнюю стужу. Не просто большой пятистенок, а огромный, с вышки тех лет. В одной половине проживала наша семья из шести ребятишек и двоих взрослых. В другой – через казенку (тонкая дверь) обитало семейство дяди Гриши, числом в дюжину. Казенка, расписанная неизвестным мастером букетами невиданных трав, пропускала все звуки. И то, что происходило в одной половине дома, было слышно и в другой. Но соседствовали дружно, и дверь запиралась на засов только, разве что, в редких случаях, во время каких-нибудь межсоседских конфликтов. Но всегда вскоре наступало перемирие, и дверь снова хлопала туда-сюда, наши к вашим, ваши к нашим.

В летнее время самым примечательным местом для нас был задний двор. А почему он назывался задним, не знаю. Выход во двор был из кухни, через дверь сразу попадаешь в крытую галерею. Сверху её был продуваемый чердак, прикрытый просто сводом крыши, а с боков – две бревенчатые стены, увешанные старой одеждой, конской сбруей, хомутами. Внизу, прикрытые досками, стояли кадки с солью, мукой, отрубями. Валялись протертые до дыр ватники дяди Гриши. Пахло сухим деревом, вяленой рыбой, ядрено дегтем. Галерея заканчивалась во дворе подиумом, чем-то похожим на концертные подмости. Только вместо оркестровой ямы там было отхожее место с дощатой стенкой со стороны двора. Чтобы не свалиться во время интимного занятия в двухметровую бездну, спереди была прикреплена страховочная жердь, за которую и следовало держаться. Обычно, свидетелями такого занятия были корова да лошадь. С торца подиума во чрево двора спускалась лестница. С двух сторон двор замыкали высокие бревенчатые стены. С третьей стороны, вместо стен, были огромные двухстворчатые ворота, назывались они

«завозня», так как через них завозили сено. Противоположное от ворот пространство было разделено на утепленные мхом отсеки что-то вроде коммунальной квартиры. В одном проживали куры, в смежном – овечки, рядом с овечками соседствовали свиньи, за ними корова с теленком. Замыкали этот общежитский комплекс апартаменты старого мерина Карьки. На общем перекрытии этой коммуналки высился большой намет сена. Все это хозяйство венчала огромная четырехскатная крыша. И там, в перекрестьях стропил, облепленных ласточкиными гнездами, стоял неумолчный птичий щебет.

С внешней стороны от двора, на сеновале, был устроен большой марлевый полог, где вповалку под монотонный комариный гул, набегавшись, спали богатырским сном все мелкие обитатели дома. Короткими летними ночами бродят по горизонту, шарахаются немые зарницы – хлебозоры, на миг объявляя себя из всех щелей двора. С коростелиных росных лугов приторно пахнет свежескошенной травой и медом.

Ах, детство, вечное детство! Речка с парной водой и крепкие сны после дневной маяты, которые даже не способны нарушить оглушительные ночные грозы. И пробуждение с чувством великой радости в душе. По потолку мерцают, играют неясные сполохи от речных разливов. Отец в синей косоворотке сидит в переднем углу горницы, крутит самокрутку, задумчиво глядя в окно. На белой скатерти стола, в банке, топорщится веточка пасхальной вербы. И рядом ждут краюха ароматного горячего хлеба и кринка густого молока. И кругом этот свет, ослепительный свет осяянного детства!

Все когда-то кончается: и лето, и детство! Мало-помалу не стало и деревни. Одни ушли в небытие, другие разъехались. Давно опустела коммуналка заднего двора, время обрушило и стены, и кровлю. В бурьяне, под рябиной, выбеленный дождями, светится череп несчастного Карьки. Спят вечным сном на погосте и его хозяева. Опустевший дом долго и мучительно умирал. И некому было его оплакивать. Однажды весенним ветренным днем брошенная кем-то спичка поставила точку в его судьбе. Сгорел, говорят, в одночасье! Пожарище густо затянуло бурьяном, словно и не было здесь никакого жилья. Вечный ветер качает головки репья, копошатся воробьи. Жизнь продолжается, такая долгая и такая короткая жизнь!

Июнь 2022 г.

2018 г.

Кредит

Анна, потирая поясницу, присела у ворот на лавочку. Напротив скрипнула калитка, вышла соседка с ведром.

– Ты, Галя, по воду, поди, собралась, дак, посмотри, корову мою не видно ли там? Днем-то вас не слышно было, в город, поди, ездили?

– Да тока вот и приехали.

– Дак, иди-ко, присядь, расскажи, как хоть съездили. По делам, али так по магазинам?

Соседка, брякая ведром, одернув на грузном животе платье, плюхнулась рядом.

– Дак, машину стиральну хотели в кредит взять.

– Дак, че, взяли?

– Ага, взяли, разбегались! В городе-то Марью с собой взяли, пойдем, говорю, сможешь кредит оформить. Ну че, пришли в банк, девица там давай меня выспрашивать че да как. Объяснила, кредит, мол, пришли брать. Спрашивают, че пенсия-то у тебя больша ли? Ой, Господи, говорю, да кака там пенсия, название одно. От пенсии до пенсии на займах живем. А та опять, дак дети-то есть каки, помогают, поди? Господи, помилуйте, какие там дети помощники. Дочь в ипотеку залезла, троих робят поды-мать надо. Зять работы лишился, запил. Хоть вой или побирайся иди. А Марья-то меня в бок толкат. А та опять спрашивают: «Может приработок какой у вас есть?» Да какой там приработок? Уборщицей в администра-ции прирабатывала, дак уволили. Глава свою родственницу пристроил. А больше работы в деревне никакой. Вот так вот с воды да на квас пере-бываемся. А у мужика-то нынче грыжа пояснична открылась. Дак, лежмя лежит, одно слово овощ. Вся пенсия на лекарства уходит. А Марья-то опять толкат. Че толкат, в голову-то никак не возьму. А та говорит: «Ладно при-сядьте, ожидайте». И ушла куда-то. А Марья-то на меня глаза и выпучила.

– Ты че, – говорит. – Хоть языком-то своим мелешь? Ты почто нищей-то прикидываешься? Ты мужика-то ведь чуть не похоронила, а он у тебя главный кормилец в семье. В сезон столько зарабатывает, что год безбедно можно жить, да и хозяйство у вас крепкое. Тебя ведь без слез и слушать-то нельзя. Тебе хоть какой дурак кредит-то даст?

Девица та вернулась: вам отказано, говорит. Как отказано, почто?

– А вы неплатежеспособны, – вот тебе на, как вышло-то, разжалобила! Ага, наплакала на свою шею. Дак, может после как-нибудь зайти?

– Может и зайдешь, дак, морду-то твою она запомнила, не всякий так врать-то может.

Небо к сумеркам понемногу затянуло серым, едва начал накрапывать дождик, появился мелкий липкий комар.

– Ну ладно, управляться пойду. Картошку нынче копала, спину над-жабила.

– Ну ладно, давай! Мы тоже завтра на картошку навалимся. Пока ве-дро, дак успевать надо.

– Корову-то мою там посмотри-ко!

Сентябрь 2022 г.

Той осенью

Та осень была урожайной на рыжики. Началась она с холодных за-тяжных дождей, и не было никаких грибов. Но вот к середине октября распогодило, и пришло, запоздалое на целый месяц, бабье лето. И пова-лили рыжики – крепкие, ядреные, розовощекие!

Помню, я уж дивно набрал в тот день. И уж ладони мои стали розовы-ми от рыжикового сока, а я все жадничал, радовался очередному грибу, наполняя корзинку. Я шел к дому обнаженными осинниками, а опавшая листва излучала ровный розовый свет, среди темного частокола стволов. Листья были так хороши, что я по пути все поднимал и поднимал с зем-ли, как казалось мне, самые яркие мазки той осени и складывал их по-верх рыжиков. Иногда я останавливался, отдыхал и все рассматривал с восхищением листья, но тут же видел под ногами еще ярче, еще совер-шеннее. Выбрасывал один и поднимал другой. Так и добрался до дома, отбивая поклоны осени.

Дома листья, еще чуть влажные, я разложил по книгам, а потом занялся домашними делами. Сперва принялся изучать рецепты засолки грибов, потом сама засолка, потом пришел печник из соседнего Андрушина лечить печку. Он, как врач-терапевт, обстучивал молоточком толстые, неряшливые от копоти бока печки, искал колодцы. Потом вытаскивал кирпичи и рылся там совком, вынимая ошметки сажи, с укоризной выговаривая:

– Эка че творится! Хоть бы раз в лето почистил! – заткнул кирпичи на место, подбросил в печку поленья, поджег берестяную обертку. Береста корежилась, трещала, дымила, потом вспыхнула, и дрова занялись. А он ободряюще похлопывал печные бока и, уставившись в потолок, слушал.

– Гудит?! – спросил то ли паука в чугунной от сажи паутине над печкой, то ли меня.

– Гудит! – подтвердил я.

Потом в ограде на березовых чурках мы обмывали печку. Печник иногда переставал хрустеть огурцом, прислушивался, воздев перст в небо, смотрел на ровный дым из трубы.

– Гудит!

– Гудит! – соглашался я.

И говорили, покуривая, о грядущих морозах, о грибах, о покосах, о приметах к погоде.

– Вот, замечай, если осиновый лист лежит лицом-то кверху, да красной, к холодам это!

Я как-то начал проверять примету на практике, но скоро плюнул на это занятие – лист лежал, как попало. Сейчас я уже не припомню, была ли та зима холодная, а может печка хорошо гудела, потому и не помню. Не знаю!

Забылась та осень, забыл и о листьях. Как-то однажды зимой, под метель за окном, захотелось лета. Я достал с полки «Лесную газету» Бианки, открыл, и со страниц скользнули на стол с легким шорохом сухие листья той осени. И воспоминания закружили надо мной, запорхали осенней листвой. До мельчайших подробностей вспомнил я тот день... Густо пахло медовым с полей, и паутина полетела прядями, липко касаясь ресниц и щек.

К вечеру, по-летнему сухое тепло, сменили холодные серые сумерки, тихо и медленно накрыли лес, поля, деревушку. Жесткий порыв ветра рванул с лесов последнюю листву, бестолково закружил в небе, заметая ими колеи проселочных дорог, укладывая на крыши, на крыльцо, на плечи. А ночь была ненастной и тоскливой. Утром карминовые гроздья калины были увенчаны замерзшими хрустальными каплями. Это был первый заморозок той осени.

Я окунул лист в ковш с ледяной водой, и положил на чистый рушник. Лист стал оживать, он наполнялся по краям чистым, глубоким, малиновым. По прожилкам побежало фиолетово, вокруг дырки, посередке, полыхнуло оранжевым пламенем с лимонными вкрапинами. Черешок его медленно зашевелился и поднялся кверху. Он ожил! Я разглядывал его при свете свечи до мельчайших подробностей. Кто я! И что мои потоуги художника, и что мои краски перед этим божественным творением!

Лист еще лежал какое-то время, потом медленно неумолимо стал подсыхать. Он умирал! Черешок опустился, середка его выгнулась, словно в агонии, край его натужно, с легким шорохом, стал сворачиваться. Потом он быстро, почти стремительно, согнулся в трубочку и едва слышно рассыпался.

Лист рассыпался, а воспоминания-тени еще долго толкались в сумеречных углах моей комнаты. И было почему-то грустно...

2018 г.

Ковер

Марья с утра протопила печь, управилась по хозяйству. Собралась было уж прилечь, да вспомнила – наволочки пошить бы надо. Уж разложила было на столе отрез ситца, пахнущего магазином, как вдруг в двери робко постучали. В дверной проем просунулась старушка.

– Дома есть ли кто?!

– Дома, дома проходи, Марфа!

Старушка в обрезанных валенках, в длинной обремканной овчине, семена боком-боком, притулилась на скамье у печки.

– Слышала, вчерась в город ездила?

– Да ездила. Продукты какие-то кончились, дак подкупала. Кофту вот на мне-то, не устояла взяла. Не марка, тепла. Да, это все по мелочи. А вот беда-то – пять тыщ потеряла!

– Да ты чо хоть говоришь! Это пол пенсии! Да это как же так?!

– А огурцы свежи присмотрела, свои-то когда еще будут, думаю, возьму. Да и народу-то за имя немного было, всего-то человека три. Видать, там и выронила, когда из кармана деньги-то доставала. Я припоминаю, мужичок за мной стоял. Навалился на меня, места ему мало! Я ево отталкиваю, а он с места не двигается. Уперся и стоит, как пень. Я думаю, на бумажку-то он наступил ногой, а поднять-то не знат как. Вот и топчется на одном месте. На его тока думаю, больше не на ково. А еще эта женщина, у которой кофту-то брала: «Смотри, – говорит. – Бабушка, у кофты-то три кармана – в один-то носовой платок положишь, а в други-то деньги». Я взяла, дура, да и надень эту кофту сразу на себя. Вот она и накаркала, карманы-то на месте, а денег нет! А я сразу-то там, на месте, не спохватилась, а домой-то приехала, стала шшить, смотрю пять тыщ не хватат. Мелки-то деньги на месте, а одна бумажка, котора пять тыщ была, её-то и нету. На мужика того все думаю, он, шельмец, больше не кому! Да, расстроилась, давление ночью поднялось, кое-как сбила.

– Да, как не расстроилась, пять тыщ – это же пол пенсии! Живешь, каждую копейку считаешь, а оно где тонко, там и рвется!

– Да, так оно, так!

– А я смотрю у тебя клеенка-то вроде нова?

– Но, оттуда же. Да ещё вон умывальник с полочкой, да мыло хозяйственно пять кусков.

– Мне тоже бы клеёнку-то к Пасхе сменить бы надо да мыло-то хоть куска два.

– Да, дам я тебе два-то куска. Да вот беда, деньги-то жалко!

– Я ране-то помню, в город-то ездила, дак деньги-то все в трусы да в лифчик прятала.

– Да ты хоть чо, каки трусы! Я чо принародно в трусы полезу, чтоб за огурец рашшиться! Полоротая, дак она и есть полоротая. Хоть куда прячь, вместе с трусами потеряшь.

– Да, так оно, так! А там чо, в спальне на полу-то, ковер вроде бы новой? Я к тебе вчерась забегала – не видела.

– Ковер!!!

Марья, широко открыв рот и по-рыбьи беззвучно шевеля губами, округлив глаза, невидяще уставилась на ковер. Слышно было, как с умывальника капает вода.

– Так вот же оне! – хрипло выдавила.

– Ты кого там увидела?!

– Дак деньги-то пять тыщ, вот оне! Целый день с этим ковром таскалась по рынку, в автобусе с им маялась, с утра по нему топчусь. А из головы-то вот напрочь вылетело, не помню ево и все тут! Это хоть чо тако с головой-то творится?! Но слава тебе, Господи, нашлась потеря! Дак если бы не ты, я бы и не вспомнила, как сто лет тут лежал. Постой-ко у меня где-то там наливка есть. Дак ведь на человека-то напраслину наговорила.

***

Пьяно разбираясь с запорами собственной калитки, бабка Марфа вспомнила об обещанных Марьей двух кусках мыла.

– Забыла, забыла ведь! Это чо хоть тако с головой-то творится?!

На завалинке

На завалинке посидеть да на мир посмотреть. Да какой там мир! Крохотный деревенский мирок – в одном конце корова замычит, а в другом слышно. Но тоже мир со своими заботами и событиями. У кого-то кто-то родился, а у кого-то, не дай бог, умер. У кого-то корова отелилась, а в магазин клеенку завезли.

На завалинке рождались и обрастали небылицами всякие сплетни. На завалинке, бывало, ссорились да там же и мирились. То стрекотали по-сорочьи, то молча сидели, перекидываясь междометиями, уткнувшись в посошок, да думая каждый думку свою. На завалинках сочиняли и дополняли доморощенные рецепты. Ну, как, к примеру, спину лечить, или вот, если, бывало, уторишь, дак в уши-то по мерзлой клюквине заткни. Ягода то весь угар заберет.

– Дак пошто, поди, мерзлу-то? Уши-то и простудишь!

– Дак не ледяну жо, холодну таку! Вот у Марьи-то, покойницы, баня-то шибко угарна была. Так вот и спасалась. А сын-то её в город уехал. Говорят, хорошу машину купил, дорогУ да большу таку. Дак, жена-то заведующей работает, получают, поди, хорошо.

– А ты вчерась в магазин-то ходила, дак не слышала, обои-то завезли или нет? Мне бы рулона два надо.

– Ой, не слышала, врать не буду. А я масла подсолнечного бочкового три литра взяла. С груздями-то шибко хорошо!

– А я нынче без грибов осталась, со спиной-то все маялась.

Вот так с пятое на десятое тянется ручейком беседа до самых сумерек.

– Ну ладно, пойду. Ой, да чо хоть тако, ноги-то совсем отказывают!

– А это корова-то у кого хоть так ревет?

– Дак, у Ереминых под горой. Оне в Тавду ездили, дак не доена, поди. Но, лешак, ноги-то совсем не ходят!

Скрипнет калитка, за окном вспыхнет и погаснет свет. Над коростелиными лугами, укрытых пологом белых туманов, выкатится полная, красная луна. Кончится лето, опустеет завалинка. Холодный ветер-листобой наметет к воротам желтые суметы, а палевые листочки калины всю ночь будут падать на лавочку, кататься, легким шепотом рассказывая о прошлых летних посиделках.

Притча

В ночь на Вербное воскресенье представился раб божий Иван, уроженец деревни Федькино. Жил, как все, и умер, как все. И вот предстал он перед лестницей в небо. Народу всякого много, и млад, и стар. Которые помоложе, прытко лезут, толкаются. А старики, дак те кое-как ползут. Лезут, лезут да отдохнут, которые падают, да снова лезут.

Залез, наконец, и Иван. Запыхался, кое-как отдышался. Пожилой ангел с потрепанными крыльями провел в зал ожидания. Зал большой, светлый. Потолки высокие-высокие, а под ними херувимы мельтешат, толкаются. В зале стулья рядами, как в театре. Народищу тьмат-тьмущая. Тот же ангел взял в автомате талончик на очередь номер тысячу какой-то. Иван робко примостился с краешку, рядом с какой-то старушкой. Осмотрелся. Справа была высоченная дубовая дверь, как в областной администрации. Слева тоже была дверь, железная, ржавая, как в каком-нибудь старом гараже. Там постоянно толпился народ. Когда дверь приоткрывалась, были видны языки пламени, и пыхало нестерпимо жаром. На какой-то миг у двери завязалась потасовка. Привратники не могли запихнуть в дверь какого-то депутата. Нажав тревожную кнопку, вызвали спецназ. Здоровенные парни в жилетах с надписью «Демогвардия» быстро навели порядок, и очередь пошла как по маслу безропотно.

– А там чо? – шепотом спросил Иван старушку.

– Да, преисподня, видать, – старушка боязливо перекрестилась. Разговорились, оказалось, землячка из соседней деревни Редькина.

– Вот седьмой день уж сижу, – пожаловалась старушка. – Все никак на прием попасть не могу, а положено-то как бы на третий. Дак объявили, что к девятому-то дню всех примут.

– А ты когда умерла-то?

– Дак вот я тебе и говорю, седьмой день уж маюсь. Дак многие поди без очереди лезут.

– Да не должно быть такого, организация-то, вроде, серьезная. Там ведь Петр с Павлом пропускают.

– А я вот все-таки заслуженной дояркой была, ветераном труда, почетные грамоты от администрации района имеются. Льготы были. Могли бы принять и без очереди.

– Ага, без очереди! Ты знаешь скока здесь ветеранов да героев, а вон депутатов-то скока! Все рожки знакомые, а тоже сидят, ждут.

Пришел с ведром и шваброй ангел в синем халате, видимо, уборщик.

– Ноги-то подымите! – поелозил шваброй, собирая подсолнечную шелуху. – Что за люди, также свинячат, как у себя дома. В святом месте ведь находитесь!

– Да это не я! – заоправдывался Иван. – Я тока что подошел. Да и зубов-то у меня нет!

Старушка воровато спрятала семечки в карман.

– А ты-то когда преставился?

– Дак вот, нонче, как раз на Вербно воскресенье.

– Болел, поди?

– Да как не болел! Таблетки горстями пил. Накануне утром-то волонтеры целу коробку принесли. Ешь, говорят, Иван Пафнутич, дак, может, поживешь ишшо! Горсть съел, а ночью-то и копыта откинул.

– А я тоже мукой да крупой запаслась, брагу поставила. Собиралась ишшо пожить. А оно вон как вышло-то!

Много ли, мало ли времени прошло за беседой, как объявили бабкин номер.

Старушка, суетливо завязывая узелок с ладаном, засемила к приемной.

– Но прощевай, если чо, дак ещё увидимся! Ведь како решение комиссия примет!

– Дак, так оно!

Номер Ивана объявили вскоре. Пахнувший ладаном Петр подтолкнул в услужливо открытую Павлом дверь. В углу большой комнаты, обитой золоченым сайдингом, перед компьютером в сияющих одеждах сидел Бог. Два ангела трепыхались у гардины, вешали постиранные тюлевые занавески. Вербное воскресенье ведь, святой праздник!

– А-а-а, проходи, проходи! Присаживайся, – протирая толстенные стекла очков молвил Бог.

Иван истово трижды перекрестился.

– Так-так, кто это будет тут у нас? – заглядывая в компьютер, рассеянно вопрошал к себе Бог. – Ага, Иван, сын Пафнутия, уроженец деревни Федькино. Партейный. Верующий?

– Верующий, верующий, батюшка!

– А как же партия? Ну, да ладно, хрен с ней, с партией. Теперь все верующие! Вот тут у тебя в анкете все вроде бы в пределах нормы. Жил, как все, грешил, как все. Местами вроде бы как подворывал по мелочи. Да где у вас там, в Федькино-то, в особо крупных размерах воровать? Ну, а эту мелочь простить можно!

– Прости уж, Господи, прости!!!

– Ты вот тут в магазине водку брал в долг, под запись, да так и не отдал!

– Дак, не успел, Батюшка! Ты призвал!

– Но ладно, так и запишем, что форсмажорные обстоятельства!

Бог ткнул пальцем в клавишу компьютера и заказал два кофе с коньяком и чего-нибудь скоромного. Дверь приоткрылась, и в офис неслышно впорхнул ангел, видимо секретарь, с двумя чашками и соленым огурцом на золотом подносе. С поклоном поставил на стол и выпорхнул обратно в дверь.

– Но давай, чёкнемся!

– Христос воскресе! – гаркнул Иван.

– Воистину воскресе! – согласился Бог. – Ну, ладно, направление в Рай я тебе выпишу. Павел тебя проводит.

– Батюшка! А можно ли просьбу одну?

– Ну, говори!

– А нельзя ли мне хоть на минутку в Преисподнюю заглянуть? Своими глазами хочю посмотреть, а то всяко говорят, не знашь кого и слушать!

– В Преисподнюю, говоришь? Нет, брат, нельзя! Не по грехам твоим! У нас ведь здесь тоже проверяющие имеются. Найдут какие нарушения, наложат санкции всякие, штрафы. А мне оно надо?!

– Дак, грехи-то дело наживное. Ты отпусти меня, Батюшко, на землю денька на два, на три, я и нагрешу на норму.

– Но, коль так, будь по-твоему!

Обратно спускался Иван еще хуже, народ встречный прет, как на праздник.

***

К гробу, обитому куском красного ситца, с телом покойного одиноко прислонился скромный веночек. Бумажные цветки обвивала черная лента с надписью: «Спи спокойно, дорогой товарищ». Поп, задумчиво глядя в окно, размахивая кадиллом, монотонно гундосил себе под нос отходную

в стиле рэп. У дверей, рядом с умывальником, примостился участковый. Ощупывая огромный синяк под глазом, философствовал:

– Дак, ведь мужик-то такой тихой был да приветливой! А ведь как из комы-то вышел на третий день, дак, как бы совсем с ума сошел, как с цепи сорвался! Чо ведь только не натворил за эти три дня! Нагрешил больше, чем за всю жизнь!

– А бес вот попутал, – тяжело вздохнул поп.

– Знамо, бес! Если не бес, дак на меня-то пошто набросился? Ведь все знали, мухи не обидит. А тут на тебе!

– А ты не муха, муха лучше тебя!

– Ты это в каком смысле-то?!

– А в переносном, в переносном.

– Я ведь тут в прокуратуру было письмо сочинил с просьбой об уголовной ответственности за избиение должностного лица при исполнении обязанностей, а вот отправить-то и не успел. Скончался вот он.

– Но и хорошо, что не отправил, грех на душу не взял!

– Нет, батюшко, пока синяк под глазом, грех на нем!

Старушка в черном пригласила к столу. После рюмки, другой, да третьей, поп, размахивая широким рукавом рясы, учил участкового послушанию и смирению. Участковый, наступив локтем в рыбник, внушал попу догмы о непоколебимости власти. Старушка в черном, с венчиком и совком, тихо уговаривала:

– Ты бы, товарищ милиционер, кости-то от рыбника на пол-то не разбрасывал, не в свинарнике ведь!

К вечеру кое-как выпроводила поминальщиков.

***

И вот настал день! Предстал пред Богом Иван.

– Да, помню, помню! Проходи, проходи, – ласково позвал Бог.

– Да я вот тут со списком грехов!

– Да знаю, знаю!!! Вот тут у меня в компьютере все значится... Витри-ну в магазине разбил. Так, дальше... Депутата от общей России, уважаемого человека в Федькино, гонял по деревне, грозился убить. Милиционера избил!

– Не милиционера, а полицейского!

– Да какая разница, при исполнении он! Скажи ты мне, пустая твоя голова, ты бабку-то Аксинью за что избил, а потом изнасиловал?

– Дак, чтоб вину свою усугубить, Батюшка!

– Да будет ведомо тебе! Старуха эта день и ночь грехи твои передо мной замаливала. Вот так-то, брат, отмоленный ты! Нет тебе места в Преисподней! Петр Иваныч, проводите его, поставьте на довольствие.

***

На сороковой день поп прочел молитву за упокой:

– Господи, спаси и сохрани! Прими раба твоего грешного, Ивана!

В местном кафе с участковым тепло помянули Ивана. Очень тепло! На следующий день занялись своими мирскими делами. Поп сменил рясу на фуфайку и пошёл сажать картошку. Участковый отправился выписывать штраф добропорядочному гражданину деревни Федькино за курение на остановке.

Господи, по делам Вашим и воздастся Вам!

май 2021 г.

Поговорили

Заглянул на почту, надо бы оплатить счета за коммуналку. За стойкой женщина крупная, рыжая, в толстенных очках вяжет носок. Смотрит сонно.

– Компьютер завис, ждите.

Печка-голландка в углу полыхает жаром тепло и сонно. Три бабы на скамейке рядком кудахчут, ведут беседу.

– А я вчера по корову с выпасов пошла. Мимо-то магазина иду, смотрю, Танька Василисина бежит. Иди, говорит, скорей в магазин, там яблоки дешевы дают. Я заскочила, а продавщица-то говорит: «Так разобрали уж. Вот, возьми остаток, тут килограмм-то будет, однако». Ну чо, взяла, на компот думаю. Выхожу, а Марья Федора-то тоже корову гонит. Яблоки-то увидала, да запричитала: «Ну, не знат, опоздала вот!» Ты, говорит, дай-ко мне хоть пару яблочков, Федору в больницу отнесу! А че с Федором-то? Дак, ногу вчера отняли. Да как отняли? Я его вчера видела. «Дак чо, долго-ли врачам-то отпластать». Домой-то прихожу, мужику-то рассказываю: Машку видела, дак, говорит, Федору-то как бы ногу отняли. А он мне: «Ты ково хоть мелешь? Оне вчера с Колькой у кузницы брагу пили». А седни утром-то опять корову на выпас гоню, а они с Колькой-то у магазина. А Федор-от, он чо, как козел прыгат. Здоровехонек, на двоих ногах!

– Дак она пошто хоть мужика-то оговариват?

– А лешак их знат, совести-то нет дак.

Помолчали, рыжая громко всхрапнула, почесала круглую коленку.

– А я слышала, как будто бы пенсию добавят с первого числа.

– Ага, добавят! – встрепенулась рыжая. – Догонят да еще добавят!

– Дак, так оно, так!

– А Марью-то тоже, как бы, в больницу кладут.

– А с ей-то чо?

– Дак суставы вроде?

– Каки суставы?! В огороде, как молода, пластаца! Всю зиму сидит в поликлинике, а как огород поспел, так все болезни прошли.

– Дак, так оно, так!

Пришла уборщица, загремела ведром за печкой, подбросила дров.

– Да ты куда ишшо подбрасывашь, и так хоть парься! – рыжая тяжело вздохнула.

– Это тебя тут разморило. А на улице-то вон снег пролетат. Дрова вчера привезли, вывалили, а я складывай за мою-то зарплату! Никому не надо, скоко ни говори.

Хлопнула дверью и ушла.

– А у меня третьего дня как поясницу прихватило, так и не отпускает. То ли к погоде, то ли чо?

– Дак, кака погода, годы-то уж каки?!

– Дак, так оно, так!

– А у меня тоже ноги, руки, все болит! Тут дрова привезли чурками, просить надо ково-то колоть. Дак Федор-от мне и исколол. Дала ему на бутылку. А Машка-то прибежала, да и ревет: «Ты пошто мне мужика-то спаивашь?!»

– А я и не спаиваю, деньгами рашпиталась!

– Дак деньги-то могла бы и мне отдать.

– Как это тебе?! Ты ичولي, колола?!

– Но, она баба-то зряшна, не зря все с синяками ходит.

– Дак, так оно, так!

– Дак, ты чо самогонкой-то не рапшиталась?
– А откуда она у меня?!
– Ой, да не надо! Нет у её самогонки!
– А я чо, привлекалась?!
– А кто тебя привлечет! Участковый? Дак, он у тебя день и ночь от-
иратца! На чужой роток не накинешь платок.
– А ты чтобы обсуждать, на себя посмотри! Молоко-то, лонись, сдава-
ли, дак кто водой-то разводил, не ты ли?!
– А ты меня чо, за руку держала?
– Дак, Нинка-то на санпидстанции работает. Не даст соврать!
– Ой, уж ково нашла слушать! Ой, уж ково! Гуляшша, печать негде
ставить!
– Ой, да ты у нас така безгрешна! Депутат-то прошлом годе приезжал,
дак не ты ли с им в коровник-то ходила?
– Ну и чо, ходила! Хозяйство показывала!
– Дак, уж известно како хозяйство-то ночью показывала! Ха-ха!
Тихая ровная беседа помаленьку начала перерастать в ссору. Тут щел-
кнул компьютер, рыжая очнулась, заперевирала бумаги. Я рассчитался
и вышел на крыльцо. Уборщица, что-то бубня себе под нос, складывала
дрова. Валил хлопьями снег. Беларусь. Вихляя в колеях, громыхая теле-
жкой, вез дрова. Похоже, Федору нынче опять потрафит с бутылкой.

Еремина, 2019 г.

Изыди, Сатано!

По периметру большого кудрявого облака, опираясь на две палки, нарезал Леонардо. Края его долгополого отсыревшего халата путались в палках. Он часто останавливался, тяжело дышал, передохнув, брел дальше. Обогнув облако с западной стороны, он неожиданно чуть было не споткнулся о Малевича. Тот вальяжно возлежал в ватном углублении облачка. Откинув полы черной рясы, разложил на ней газетку с салом и уж было распочал чекушку Путинки, да вдруг этот Леня!

– О! Привет гениям!!!

– Да и вам не хворать, – буркнул Леонардо.

Воткнув палки в облако, он присел на корточки, кутая худые ревма-
тические коленки в халат. Казимир, булькнув из чекушки пару глотков,
протянул её Леонардо.

– Будешь?!

Леонардо, брезгливо отмахиваясь потрепанным крылом, сплюнул в бороду.

– Ну как хочешь! – Казимир с набитым ртом салом ткнул вниз пальцем.

– Я смотрю, там вот нынче все помешались на скандинавской ходьбе. Сам-то кое-как плетется бывало, всего перекосило, да еще и палки с собой тащит. Тыфу ты, спортсмен! А тебе чо, помогает? Да не шибко-то, видать! Рахит вон из-под халата прет. Да и ноги-то твои совсем сини. Выпил бы, Леня, да поговорим?!

Леонардо гневно выдернул палку из облака, ткнул было ею в чекушку, да Казимир вовремя её отдернул.

– Но, но! Ты полегче тут машишь. Это, паря, у нас тут роскошь, не каж-
дый день перепадает! Это вот на днях Татлина встречали, так тот с собой прихватил. Они вон там, на той гряде облаков, сороковой день празднуют.

Все там понабежали, и передвижкики, да и ваши итальяшки на халыгу поналетели. Перепились да разборки устроили до мордобоя. А я чекушку схватил, да подальше от греха, а то Шишкин разошелся, пообещал мне почки отбить. Ты сбегал бы к ним, может, кого и признаешь! Есть там такие, которые бороду-то твою живо выдерут.

– Да нет, брат, я иконой себя увековечил. Под бронированным стеклом сижу! А вот тебе-то стоило бы ребра память с твоей квадратной головой. Не зря ведь анекдот ходит, вроде бы как квадрат твой из Третьяковки украли. Но потом нашли, дак, вроде бы, реставрация требуется. Будто бы музейный дворник махом гудроном отремонтировал. Хи, хи!

– Смотрю вот на тебя, – Казимир хлюпнул из чекушки. – За что только ты не брался: и инженер-то ты, и анатом, и парашют-то ты изобрел. Спихнуть бы тебя на этом парашюте отсюда! А ведь ни в чем не преуспел! Ну, бабу с косорылой гримасой написал. Ну и что?! Ну, под стеклом?! Ну, плятятся туристы?! Так и мой квадрат тоже не обходят!

– Изъиди, Сатана! – гневно рявкнул Леонардо. Схватив палки и плюясь поспешно, исчез за краем облака.

Казимир доел сало, откинул пустую чекушку прочь, вытер губы полой халата и, икая, устроился вздремнуть.

Под облаками внизу на якоре, в море, болталась яхта Абрамовича. Бизнес у олигарха шел ни шатко, ни валко. Последнее время подрабатывал паромщиком. Через Средиземное возил туда-сюда беженцев. Денег у беженцев не было, рассчитывались, в основном, фруктами. На северной стороне моря Роман менял фрукты на солярку. Но солярка подорожала, а фрукты подешевели, и теперь они потихоньку догнивали в трюме, благоухая окрест зловонием. Инспекция в порту выписала ему предписание о несоблюдении санитарных норм. Однажды он попытался избавиться от гниющего багажа в открытом море. Но на беду его подловили «зеленые» из Гринписа. Кое-как отделался непосильной взяткой.

Теперь он стоял на якоре недалеко от пирса. Беженцы превратили его яхту в плавучий клозет. Всю рубку исписали непотребными словами вроде... «здесь был Хаким или Салим из Туниса». Матерно ругаясь, Роман отковыривал от бортов присохшие фекалии и с теплым чувством вспоминал Чукотку... Какие же там культурные люди живут! Ничего тебе лишнего в туалете не напишут, хотя там и туалетов-то нет. Да опять эти же фрукты развез бы по тундре. Устав от трудов, он развалился в драном шезлонге, предавшись былым воспоминаниям. Как вдруг с жутким свистом рядом с яхтой шлепнулась Казимирова чекушка. Роман живо выловил чекушку веслом, пополнив ящик со стеклотарой.

– Копейка к копейке, глядишь, и рубль!

Чмокая губами и засыпая, Казимир подумал: «Если попутный ветер, через день-два над Питером проплывать будем. Интересно, почему сейчас там, в собачьем переулке, у купца Еремина чесночная колбаса?»